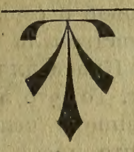
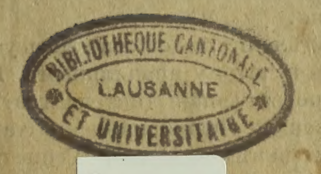
Вл. КОРОЛЕНКО

Война, отечество и человѣчество

(Письма о вопросахъ нашего времени)

Общество Н... Издательства
имени А. ... въ Лозаннѣ

ВОЙНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

(Письма о вопросахъ нашего времени).

I.

Вмѣсто вступленія: На общемъ языкѣ, объ общемъ отечествѣ.

Наше время — особенное время. До сихъ поръ мысль просвѣщенныхъ людей и мысль народа шла разными путями, потому что и жизнь ихъ была различна. Одна часть народа работала руками и мускулами, другая — преимущественно головой и сердцемъ. И они думали о разномъ, различно чувствовали и говорили какъ-будто на разныхъ языкахъ. Книги для нихъ приходилось писать тоже по разному. То, что легко и понятно интеллигентному (образованному человѣку), — не доступно огромной массѣ. То, что массѣ легко доступно, — для интеллигентнаго человѣка по большей части давно извѣстно и скучно.

Когда-то раздѣленіе людей считалось установленнымъ самимъ Богомъ и потому правильнымъ. Но уже давно мыслящая и просвѣщенная (интеллигентная) часть народа почувствовала неправильность такого порядка. Одинъ знаменитый нѣмецкій поэтъ Гейне сказалъ: «Міръ какъ-будто раскололся, и трещина прошла по моему сердцу». Она прошла также по сердцу великаго писателя нашей земли Л. Н. Толстого и тревожила его всю жизнь. Такъ же тревожила она умы и совѣсти многихъ. И вотъ почему, между прочимъ, столько поколѣній русской молодежи, которой существовавшій порядокъ пред-

лагалъ спокойную и сытую жизнь, если бы они согласились стать его покорными слугами, предпочитали борьбу съ самодержавіемъ, отправлялись въ тюрьмы и ссылки, вмѣсто того, чтобы идти торными дорогами. Эта великая трещина человѣческаго неравенства и отчужденія прошла по молодымъ сердцамъ, и поколѣніе за поколѣніемъ, получивъ образованіе за счетъ народа, спрашивало себя у порога жизни. Что же теперь? Заплатимъ ли мы историческій долгъ своему народу, будемъ ли работать, чтобы заполнить великую трещину, отдѣлившую насъ отъ нашихъ братьевъ, — или уйдемъ на службу къ притѣснителямъ и будемъ содѣйствовать еще большему неравенству и раздѣленію людей?

Молодая совѣсть содрогалась передъ этими вопросами. Часто они были ей страшнѣе, чѣмъ тюрьмы, ссылки, даже казнь. Каждое новое поколѣніе нашей интеллигенціи по очереди переживало этотъ переломъ и эти тревоги совѣсти и каждое платило свою дань неравной борьбѣ, неравной потому, что народъ въ своей темнотѣ былъ на сторонѣ своихъ притѣснителей. Тянулось это долго, начавшись съ первой вспышки,—возстанія декабристовъ при Николаѣ I,—и кончая послѣдними днями царствованія Николая II, когда, наконецъ, раскрылись (навсегда ли?) двери политическихъ тюремъ.

А въ это время жизнь разными путями брала свое. Сознаніе народа росло, на обѣихъ сторонахъ великой трещины стали все чаще появляться люди, стремившіеся къ одной цѣли: къ единству, равенству, братству. Одни и тѣ же вопросы загорались огнями и въ головахъ лучшихъ представителей интеллигенціи, и въ головахъ людей вѣчнаго физическаго труда. Отсталое и слѣпое самодержавіе не хотѣло признавать нравственной законности этого явленія и надолго задержала его. И вотъ теперь, когда самодержавіе пало, передъ нами, передъ всѣми сразу, встали цѣлыми толпами великія задачи, о которыхъ до сихъ поръ приходилось думать только порознь или говорить сообща лишь на тайныхъ собраніяхъ. Новыя понятія, выражаемыя новыми сло-

вами, начиная съ латинскаго слова «республика», сразу вошли въ нашу жизнь, заняли, не спросясь у стараго начальства, первыя мѣста и обращаются одинаково къ неграмотному мужику въ дальней деревнѣ, къ рабочему и интеллигенту въ городѣ.

— Вотъ мы пришли къ Вамъ. Встрѣчайте насъ и разгадывайте значеніе вопросовъ, которые ставитъ жизнь. Да торопитесь. Жизнь не ждетъ.

Есть древняя греческая басня: по дорогѣ въ большой городъ залегло нѣкогда загадочное чудовище съ туловищемъ льва и лицомъ человѣка. Каждому путнику, шедшему въ городъ изъ пустыни, оно задавало загадки. Кто не находилъ отвѣта, того этотъ сфинксъ пожиралъ.

Такой сфинксъ глядитъ теперь въ глаза всему русскому народу на дорогѣ къ его близкому будущему. Глядитъ и задаетъ вопросы, и говоритъ: разгадывайте сообща, селянинъ и горожанинъ, богачъ и бѣднякъ, ученый и малограмотный. А не найдете общей разгадки, — погибайте.

Въ этихъ очеркахъ я хочу по мѣрѣ моихъ силъ содѣйствовать общей разгадкѣ. Я, къ сожалѣнію, — не ученый, вооруженный спеціальными познаніями въ области общественныхъ наукъ. Я—средній образованный русскій человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ даромъ изложенія мыслей и образовъ, рождающихся не въ одной его головѣ, волнующихъ не только его сердце. И вотъ я хочу еще разъ продумать съ перомъ въ рукѣ то, что волнуетъ всю Россію, и хочу высказать свои мысли по возможности просто и понятно. И не только понятно, но и обще-понятно. Я хочу говорить сразу съ различными русскими людьми: съ рабочимъ, съ пахаремъ, съ образованнымъ человѣкомъ и студентомъ, такъ, какъ-будто они слушаютъ меня всѣ вмѣстѣ, вмѣстѣ будутъ обсуждать мои слова и искать общихъ рѣшеній. Задача —трудная для человѣка, всю жизнь писавшаго на литературномъ языкѣ для образованныхъ слушателей. Но разъ явилась возможность общей мысли и дѣла, — необходимъ и общій языкъ со всѣмъ народомъ.

Этотъ первый очеркъ я хочу посвятить вопросу о нынѣшней войнѣ и объ отечествѣ.

Кто не знаетъ, что такое отечество? — спроситъ, быть-можетъ, читатель. — Нужно ли разъяснять то, что всѣмъ давно извѣстно, что преподаютъ въ школахъ, что заставляютъ списывать изъ прописей? Это ненужно и скучно.

Но увѣряю васъ, мои читатели, что я тоже не склоненъ безъ надобности повторять азбучныя истины. Дѣло въ томъ, что въ наше время есть люди, которые говорятъ, что отечества не нужно, что любовь къ нему есть чувство вредное, отъ котораго нужно отучаться, нужно дѣйствовать такъ, какъ-будто никакого отечества не существуетъ.

Кто-нибудь скажетъ: но вѣдь это могутъ говорить только выродки, съ которыми спорить и убѣждать ихъ не стоитъ.

Но это — невѣрно. Это теперь говорятъ не одни выродки. Можно сказать, что мысль эта носится въ воздухѣ и непримѣтно западаетъ во многіе умы, какъ зараза. Въ самомъ дѣлѣ: Европа охвачена огнемъ и кровью. Люди разныхъ народовъ кидаются другъ на друга какъ звѣри. Каждый стоитъ за свое отечество и старается уничтожить чужое. Значитъ, говорятъ иные, причина въ томъ, что есть у народовъ отечества. Уничтожимъ это понятіе, вытравимъ въ себѣ любовь къ родинѣ и тогда первая причина войнъ исчезнетъ.

И мы видимъ много такихъ дѣйствій, которыя направлены безъ всякаго соображенія съ интересами нашей родины. Выходитъ, какъ-будто общепризнанное прежде требованіе любви къ отечеству выдыхается и готово исчезнуть.

И вотъ почему я не считаю празднымъ вопроса: что такое отечество? Должны ли, имѣемъ ли мы право и обязанность съ любовью отстаивать нашу русскую родину, которая въ свалкѣ народовъ выступаетъ въ видѣ русскаго государства? И отечество ли виновато въ этой звѣриной свалкѣ?

II.

Вражда и любовь. — Война всѣхъ противъ всѣхъ и начатки общественности: семья, родъ, область, отечество.

Кто читалъ гоголевскаго Тараса Бульбу, тотъ припомнитъ, какъ Бульба съ сыновьями пробрался черезъ днѣпровскія степи въ Сѣчь. Зеленая пустыня раскинулась отъ края и до края. Но вотъ зоркіе глаза Тараса увидѣли вдали татарина. И первыя его слова по этому поводу таковы:

— Посмотрите, дѣтки. Вонъ скачетъ татаринъ. Попробуйте догнать его.

И если бы этого чужого человѣка догнали, его бы убили. За что? За то, что онъ — татаринъ. И самъ онъ убилъ бы, если бы смогъ, Тараса и его сыновей, несмотря на то, что степь — широка и всѣмъ въ ней хватило бы мѣста. Такъ уже повелось изстари, отъ отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣдовъ,—отъ сѣдой древности. «Страненъ человѣкъ», — говоритъ поэтъ Лермонтовъ.

...Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ воюетъ онъ... Зачѣмъ?

Лермонтовъ ошибался. Человѣкъ воюетъ не одинъ. Вся живая природа переполнена вѣчной войной, и человѣкъ вынесъ эту войну всѣхъ противъ всѣхъ изъ своего звѣринаго прошлаго. Прежде говорили, что войну выдумали воины, какъ религію выдумали жрецы. Теперь принято говорить, что войну затѣваютъ всегда капиталисты и промышленники. При этомъ забываютъ, что чѣмъ дальше вглубь прошлаго, чѣмъ ближе къ жизни звѣрей, у которыхъ не было ни воиновъ, ни капиталистовъ, тѣмъ больше было взаимной борьбы. Когда-то всякая встрѣча незнакомыхъ людей была враждебна. Завидѣвъ другъ-друга, люди сходились съ опасеніемъ и мыслью: что лучше,—напасть первому или ждать напа-

денія? Казалось, въ мірѣ царитъ одинъ законъ взаимной вражды: убей или будешь убитъ... Съѣшь или тебя съѣдятъ... Всѣ враги всѣмъ...

Но на-ряду съ чувствомъ вражды во всемъ живущемъ теплится и другой законъ: законъ взаимнаго сочувствія и любви. Борьба этихъ двухъ началъ, вражды и любви, которыя люди называютъ зломъ и добромъ, Бѣлбогомъ и Чернобогомъ, Ормуздомъ и Ариманомъ, духомъ свѣта и духомъ тьмы, составляетъ содержаніе всей человѣческой исторіи, всѣхъ религій, всякой человѣческой нравственности. Сознаніе противоположности зла и добра, любви и вражды, отличаетъ человѣка отъ звѣря. Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали сходиться въ общества,— во мракѣ «войны всѣхъ противъ всѣхъ» загораются огоньками семья, родъ, племя, члены которыхъ, враждуя со всѣмъ остальнымъ міромъ, въ своей средѣ признаютъ закономъ взаимную помощь и любовь. Древніе греки такъ выражали понятіе о наилучшемъ, наиболѣе совершенномъ человѣкѣ: «Милъ своимъ, страшенъ чужимъ».

Кто же считался своимъ?

Сначала только ближайшіе кровные родные, затѣмъ члены рода, происшедшаго изъ семьи,—и только. Были такія темныя времена, что стоило, напримѣръ, члену другаго рода переступить границу какой нибудь семьи безъ предупрежденія и особыхъ обрядовъ,—и его приносили въ жертву родовому идолу. Потомъ роды устанавливали все шире свою близость; возникали области; въ центрахъ областей строились укрѣпленные города, куда всѣ сбѣгались при нападеніи чужеземцевъ. Потомъ образовывались союзы городовъ, малыя государства, которыя соединялись въ большія.

Такъ постепенно сознаніе братства людей становилось шире, и съ ростомъ человѣческихъ объединеній росло чувство человѣческой дружбы, солидарности, любви, на счетъ звѣриной вражды. Лучшіе люди всѣхъ народовъ несли свои душевныя силы на созданіе все большихъ объединеній. Въ прошломъ вѣкѣ, уже на памяти

нынѣ живущихъ людей, объединилась, напримѣръ, Италія, и имена Гарибальди и Мадзини, работавшихъ для этого, чтутъ до сихъ поръ не одни итальянцы, а всѣ, кто любитъ свободу: объединеніе не только прекратило на пространствѣ всей Италіи междоусобія, но и помогло итальянцамъ свергнуть несправедливое иго австрійцевъ. Значитъ, единое отечество принесло итальянцамъ и освобожденіе.

Поэтому люди изстари пріучались поколѣніями любить свои отечества, подчиняя имъ все остальное. Существуетъ такой историческій разсказъ. Когда-то австрійцы покорили швейцарцевъ и держали въ странѣ войско рыцарей, закованныхъ въ желѣзо. Швейцарцы же были мужики-пастухи, и дрались по-просту, безъ панцырей. Но все-таки они не захотѣли быть рабами и возстали. Произошла большая битва при Земпахѣ. Стальные рыцари стояли какъ стѣна, выдвинувъ впередъ лѣсъ копій; стрѣлы и палицы пастуховъ не могли нанести имъ никакого вреда. Тогда одинъ швейцарецъ, Арнольдъ Винкельридъ, сказалъ своимъ: *«Позаботьтесь о моей семьѣ»*. А самъ кинулся на копья рыцарей, захватилъ ихъ, сколько могъ, руками и воткнулъ себѣ въ грудь. На минуту образовался прорывъ; швейцарцы кинулись туда, и желѣзный строй былъ прорванъ. Рѣшительная битва была выиграна, швейцарцы освободили родину и поставили памятникъ Арнольду Винкельриду. И всѣ народы знаютъ имя этого пастуха, потому что своимъ поступкомъ онъ показалъ, какъ широкая любовь къ отечеству подчиняетъ любовь къ семьѣ. Винкельридъ былъ хорошій семьянинъ, но не задумался отнять у семьи мужа и отца для отечества, которому онъ передаетъ заботу о семьѣ.

Объединеніе областей Россіи въ одно отечество тоже совершалось вѣками на великой восточно-европейской равнинѣ. Началось оно около Кіева, потомъ перешло къ Москвѣ. Нельзя сказать, чтобы московскіе князья, хитрые скопидомы и лукавцы, были лучше другихъ удѣльныхъ князей, которые съ ними воевали. Наобо-

ротъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ были простодушные вояки, убѣжденные въ своей правотѣ. Но народъ поддерживалъ московскихъ князей, потому что они выводили на Руси удѣльныя междоусобицы, въ которыхъ русскіе шли войной на русскихъ. Земля на великой равнинѣ собиралась, вражда изгонялась за ея предѣлы. Воевать и безъ того приходилось много. Кругомъ были враги, особенно азіатскія орды, совершавшія набѣги, угонявшія тысячи людей въ полонъ, продававшія ихъ въ рабство. Тамъ за «дикими полями» и горными кряжами были сплошные враги. И когда оттуда какому-нибудь полоняннику удавалось убѣжать черезъ степи, горы и рѣки, когда послѣ опаснаго пути онъ достигалъ, наконецъ, предѣловъ Россіи, когда передъ его глазами появлялись такія же избы, какъ въ его деревнѣ, такія же макушки церквей, въ какихъ онъ самъ молился въ дѣтствѣ, то онъ падалъ на землю, обнималъ ее «родную» и плакалъ сладкими слезами. Для него эта земля была «святая» Русь, а остальныя земли онъ считалъ «погаными». Тамъ, какъ звѣрь отъ звѣрей, онъ долженъ былъ скрываться въ норахъ и оврагахъ. Здѣсь, куда бы онъ ни пришелъ,—въ мужицкую избу или боярскія хоромы,—его встрѣчали «свои» съ привѣтомъ и лаской, съ сожалѣніемъ и радостью. Бояринъ часто притѣснялъ мужика, мужикъ порой ненавидѣлъ боярина. Но около полонянника, вырвавшагося изъ враждебной земли, всѣ сходились въ одномъ ощущеніи. Всѣ чувствовали себя сынами одной родины...

И когда надъ степями зажигались сторожевые огни, то всѣ подымались на защиту. Мужики защищали боярскія хоромы, бояре защищали деревенскія избы, и считалось священнымъ долгомъ стоять за общее отечество до смерти.

III.

О любви къ родинѣ.

Особенно живо было всегда это непосредственное чувство родины въ окраинныхъ странахъ, которыя чаще

другихъ подвергались нападеніямъ и испытывали чужеземный плѣнъ. На Украинѣ старые кобзари до сихъ поръ поютъ трогательныя старинныя думы, какъ томились плѣнники, какъ смотрѣли съ Савуръ могилы на дальнія родныя степи и какъ умирали, не отрекаясь отъ родины и вѣры братьевъ.

На рѣкѣ Уралѣ это окраинное положеніе сохранилось дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и мнѣ лично старый уральскій казакъ разсказывалъ о томъ, какъ въ его юности не разъ надъ степью загорались по ночамъ маячные огни,—знакъ, что гдѣ-нибудь киргизская, бухарская, хивинская орда «перелѣзла черезъ Уралъ» и пробирается въ Россію. «Повѣрите, — говорилъ онъ, — до сихъ поръ, какъ увижу надъ степью огонь,—сердце колотится, рука сама ищетъ копье. Такъ и кажется, что надо скакать на сборный пунктъ для защиты родной земли».

Этого казака любви къ родинѣ учила сама жизнь. Этому же чувству учатъ въ школахъ. Иностраннымъ словомъ оно называется «патріотизмомъ». Къ сожалѣнію, этотъ казенно-школьный патріотизмъ бываетъ не настоящій. Дѣтямъ внушаютъ, что наша родина—величайшая страна, что мы должны гордиться передъ всѣми другими народами тѣмъ, что мы—подданные такого могучаго государства, что наша исторія полна подвигами царей и покорнаго имъ народа и т. д. Это развивало въ нашемъ народѣ національное тщеславіе, которое выражается извѣстными словами пѣсни: «Наша матушка Рассея всему свѣту голова», а всѣ другія державы намъ будто бы должны быть подвластны.

Нѣтъ худшей услуги истинной любви къ родинѣ, чѣмъ этотъ заносчивый и самохвальный патріотизмъ, который иностраннымъ словомъ называется «шовинизмомъ». Онъ подмѣняетъ понятіе о родинѣ — понятіемъ о властяхъ, любовь къ отечеству — любовью къ царямъ и ихъ слугамъ. Недаромъ одинъ изъ великихъ нашихъ поэтовъ, строптивый Лермонтовъ, писалъ:

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Въ душѣ не шевелятъ отраднаго мечтанья.

То есть въ своей «странной», какъ онъ говоритъ, любви къ родинѣ онъ не признаетъ какъ-разъ того, что внушалось казеннымъ патріотизмомъ. Но далѣе и онъ объясняетъ, что именно онъ любитъ въ родинѣ: «Не зная самъ за что», — онъ любитъ холодное дыханіе русскихъ полей, колыханіе дремучихъ лѣсовъ, разливы рѣкъ, подобные морямъ, всю природу родной страны, ея людей. Съ любовью смотритъ онъ темнымъ вечеромъ, проѣзжая по дорогамъ, на дрожащіе огни печальныхъ деревень, на обозъ, ночующій въ степи, и «въ праздникъ вечеромъ росистымъ смотрѣть до полночи готовъ на пляску съ топаньемъ и свистомъ подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ».

Другой поэтъ, Жуковскій, стараясь опредѣлить это чувство, говоритъ, что для него родина, это —

Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки...

Жуковскій былъ сынъ рабыни, но росъ и воспитывался въ дворянской семьѣ, и дѣтскіе годы протекали для него радостно. Жизнь Лермонтова была довольно бурная, и о родинѣ онъ вспоминалъ въ ссылкѣ на Кавказѣ. Однако, и для него родина не была мачехой. Но вотъ что говоритъ объ этомъ чувствѣ третій русскій поэтъ, значительную часть жизни проведшій на каторгѣ: «За что любить тебя, — спрашиваетъ П. Ф. Якубовичъ у родины:

...Какая ты намъ мать,
Когда и мачеха, безчеловѣчно злая,
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая.

Жизнь его и его поколѣнія сложилась тяжко и печально. Совсѣмъ юношей попалъ онъ на каторгу за то, что рано полюбилъ свободу въ странѣ рабства. И онъ горько упрекаетъ родину, которая гнала своихъ дѣтей «на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ, убивала въ цвѣтѣ силъ».

Мечты великія безжалостно губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
Ты злобой души намъ, какъ ядомъ, напоила,
Какая ты намъ мать, за что любить тебя?

Говорилъ онъ это изъ глубины каторги не только отъ себя, но и отъ сотенъ такихъ же страдальцевъ. И вообще много въ каждой странѣ людей, которые могли бы бросить своей родинѣ такіе же горькіе упреки за свою нерадостную жизнь, за царящую неправду, отъ которой они страдаютъ.

Но и этотъ поэтъ признаетъ все-таки родину — матерью. Онъ говоритъ далѣе, какъ Лермонтовъ:

За что, не знаю я... Но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія,
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья,
Любовь моя и жизнь тебѣ, *о, мать моя!*

И не одинъ Якубовичъ, но и многіе его сверстники и товарищи говорили его устами, что для того, чтобы увидѣть родину свободными и свободной, они готовы были бы принять тягчайшій изъ ея безчисленныхъ крестовъ.

Въ палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
Съ котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плетнемъ,
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній...

И онъ всей жизнью доказалъ, что такая любовь не выдумана, что она существуетъ въ дѣйствительности, что такъ любили родину многіе изъ того недавняго поколѣнія.

Не знаю, какъ на кого, а на меня этотъ крикъ сыновней любви, вырвавшійся изъ груди каторжника Якубовича, производитъ впечатлѣніе болѣе неотразимое и глубокое, чѣмъ превосходныя картины Лермонтова и свѣт-

лыя воспоминанія Жуковскаго. Якубовича судилъ судъ самодержавнаго насилія. Но это насиліе поддерживалось рабской покорностью и темнотой всего народа. Его заковали въ кандалы, гнали этапами и сторожили на каторгѣ тѣ же сыны народа... И все-таки онъ что-то любитъ въ этой рабской странѣ, погубившей его молодую жизнь...

Таково это странное чувство. Счастливый соединяетъ его со своей радостью, несчастные — со своимъ горемъ. Точно въ самомъ дѣлѣ съ первой струей роднаго воздуха, съ первымъ сіяніемъ роднаго неба, съ первыми звуками материнской пѣсни вливается въ душу и загорается въ ней что-то готовое, извѣчное, сильное, что потомъ растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ организмомъ человѣка. Точно оживаютъ въ отдѣльной душѣ вѣковая борьба и страданія роднаго народа и съ ними и вѣковыя стремленія человѣчества къ соединенію и братству.

Иностраннымъ, но уже давно вошедшимъ въ нашъ языкъ словомъ, такія чувства называются инстинктами И значитъ у насъ всѣхъ въ той или иной степени есть инстинктъ родины, отечества. Это — огромное, сильное чувство, потому что оно (сознательно или несознательно) лежитъ въ каждомъ человѣкѣ и, когда приходитъ время, когда сразу оно просыпается въ милліонахъ сердецъ, то это—стихія, буря, океанъ, противъ котораго устоять трудно. Въ такомъ подъемѣ «патріотизма» народъ способенъ творить чудеса, часто уже совсѣмъ задавленный и покоренный, онъ поднимается, рветъ какъ паутину свои цѣпи и вновь завоевываетъ свободу.

До сихъ поръ изъ всѣхъ общественныхъ чувствъ это чувство было безспорно самое широкое и самое сильное. И это потому, что законъ общественной жизни — все возрастающее объединеніе, а самыя широкія объединенія, какихъ до сихъ поръ реально, т. е. не въ мысли только, а на дѣлѣ, достигало человѣчество, были отечества... И значитъ отечества много сдѣлали для расширенія области любви, для уменьшенія взаимной борьбы и звѣрства, для побѣды свѣта надъ тьмой, Бѣлбога надъ Чернобогомъ...

IV.

Грѣхъ отечествъ: война всѣхъ противъ всѣхъ между народами.

Но законъ человѣческой жизни — вѣчное движенie впередъ. Человѣчество не можетъ остановиться. Достигнувъ извѣстной ступени развитія, оно двигается дальше. Позади остались война всѣхъ противъ всѣхъ, семейный и родовой бытъ, область... Не пришла ли пора, когда и отечество должно отойти въ прошлое?

И вотъ мысль человѣческая начинаетъ изслѣдовать этотъ вопросъ. Она пытливо присматривается къ отечеству. Нѣтъ ли грѣховъ и на немъ?

И грѣхи оказываются.

Существуетъ такой правдивый разсказъ. У одного дикаря христіанскій священникъ спросилъ:

— Знаешь ли ты разницу между добромъ и зломъ?

Дикарь подумалъ и отвѣтилъ:

— Добро, когда я украду жену у сосѣда. Зло, — когда сосѣдъ украдетъ у меня.

Это — нравственное ученie, вынесенное изъ временъ полузвѣриной, до-общественной жизни. Теперь намъ этотъ отвѣтъ смѣшенъ, и о человѣкѣ, который сталъ бы серьезно повторять его, мы бы сказали: этотъ человѣкъ запоздалъ родиться на тысячи лѣтъ или ему слѣдовало родиться въ дикихъ странахъ. У насъ ему мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ или тюрьмѣ. Въ современномъ обществѣ приняты другія правила общежитія, охраняемыя законами всѣхъ отечествъ.

Да, это правда. Дѣйствительно отечества уничтожили среди насъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Но это только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между отдѣльными людьми. Но, какъ только рѣчь заходитъ о государствахъ, — дѣло мѣняется. Граница каждаго государства, это — черта, у которой кончается взаимное довѣріе между людьми. Здѣсь стоятъ вооруженные люди, не пропускающіе за черту ни своихъ, ни чужихъ, а на

нѣкоторыхъ разстояніяхъ построены крѣпости, и съ нихъ пушки постоянно грозятъ сосѣдямъ. И, какъ нѣкогда человѣка, неосторожно переступавшаго границу родового поля, приносили въ жертву родовымъ богамъ, такъ теперь чужестранца, безъ разрѣшенія переступающаго границу государства, приносятъ въ жертву законамъ и сажаютъ въ тюрьму. Однимъ словомъ, два сосѣднія государства похожи на двухъ дикарей разныхъ племенъ, встрѣчающихся въ пустынѣ и подозрительно оглядывающихъ другъ-друга... Среди отдѣльныхъ государствъ мораль дикарей царитъ въ полной силѣ.

Что естъ добро и что есть зло въ международныхъ отношеніяхъ?

Всякій дипломатъ, т. е., человѣкъ, дѣлающій международную политику, если онъ захочетъ бытъ искреннимъ, отвѣтитъ, какъ дикарь отвѣтилъ священнику:

— Добро, когда моему отечеству удастся отхватить у сосѣда кусокъ принадлежащей ему земли, область, крѣпость или морскую пристань. Зло, когда такое же несчастіе случится съ моимъ отечествомъ.

Прочитайте любой курсъ исторіи и вы непремѣнно встрѣтите подтвержденіе этого. Такой-то былъ великій государственный человѣкъ. Онъ воспользовался оплошностью сосѣдняго государства, отвоевавъ у него такіе-то города, и соотечественники поставили ему за это памятникъ. А другой, наоборотъ, самъ сплошалъ и допустилъ сосѣдей захватить земли своего отечества... И его имя покрыто въ глазахъ потомства презрѣніемъ и позоромъ...

Такова основа международной морали. Всѣ народы живутъ въ вѣчномъ опасеніи чужого нашествія и въ вѣчной готовности къ нападенію. Международное положеніе таково, что французскій мыслитель, Прудонъ, увѣрялъ даже, что война всѣхъ противъ всѣхъ въ средѣ народовъ есть явленіе нормальное и вѣчное: въ сущности народы воюютъ другъ съ другомъ всегда, и только по временамъ у нихъ наступаютъ случайныя передышки, которыя мы и называемъ миромъ. И это очень похоже

на правду. Народы дѣйствительно подобны тѣмъ дикимъ охотникамъ, которые даже у общаго огня сидятъ съ оружіемъ въ рукахъ, готовые убить сосѣда при первомъ подозрительномъ движеніи. Всѣ державы даже во время мира подсылаютъ къ сосѣдямъ военныхъ шпіоновъ, политическихъ лазутчиковъ, лукавыхъ дипломатовъ, которые нащупываютъ слабое мѣсто сосѣда, стараются вызвать у него замѣшательства и возмущенія. Всякое государство старается повредить сосѣду, ослабить его, потому что боится нападенія, и само не прочь напасть при случаѣ.

Такимъ образомъ, дѣйствительно, если и устанавливается на время миръ между народами, то это миръ особенный, такъ-называемый «вооруженный миръ». Стоитъ одному государству построить военный корабль, — сосѣдъ строитъ два. Одна держава заводитъ у себя новый полкъ пѣхоты,—и такіе же полки выростаютъ сами собой у сосѣдей. Такой миръ, истощающій силы народовъ, не лучше войны. Сколько труда, изобрѣтательности, сколько времени и природныхъ богатствъ каждой страны уходитъ на изготовленіе орудій смерти. Растетъ бремя налоговъ, бѣдность: людямъ приходится отказываться отъ необходимаго и полезнаго для жизни, чтобы создать вредное, нужное только для убійства. И это растетъ неудержимо, какъ комъ снѣга, скатывающійся съ горы. И всѣмъ приходитъ въ голову: ужъ лучше короткая война, чѣмъ долгій вооруженный миръ.

Но и война становится все страшнѣе. Прежде, во времена полузвѣриной войны всѣхъ противъ всѣхъ, люди дрались стрѣлами, копьями, палицами. Война имѣла характеръ мѣстный; семья нападала на семью, родъ на родъ. Жгли, убивали, уводили въ плѣнъ, оставляя на мѣстѣ пожарища и трупы. Пожарища заливали дожди, надъ трупами выростали степныя травы или лѣсныя поросли, скрывавшія тлѣющія кости... Другіе роды порой и не знали объ этомъ, а если и знали, то никому до этого не было дѣла.

Но чѣмъ больше становились объединенія людей, тѣмъ

и войны дѣлались хотя рѣже, но крупнѣе. Подъ покровомъ отечествъ развивались науки и промышленность, которыя на-ряду съ орудіями, полезными для жизни, доставили также страшныя орудія разрушенія. Человѣкъ сталъ могущественнѣе прежняго дикаря-предка. Онъ поднялся на воздухъ. Онъ опустился на дно моря. И всюду внесъ возможность войны, и притомъ войны не мѣстной, а общей... Уже давно предсказывали, что если война вспыхнетъ въ XX вѣкѣ, то она будетъ ужаснѣе всѣхъ прежнихъ войнъ.

Невольно у лучшихъ людей является мысль: какъ прекратить этотъ ужасъ, какъ сдѣлать войны невозможными?

V.

Мечта о вѣчномъ мирѣ и соціализмъ.

Мысль о всеобщемъ братствѣ всѣхъ людей давно свѣтитъ, какъ путеводная звѣзда, передъ человѣчествомъ. Еще ветхозавѣтный пророкъ вдохновенно предсказывалъ, что люди перекуютъ когда-нибудь мечи на плуги и введутъ общій миръ. Христіанство звало людей собраться во едино стадо съ единымъ пастыремъ. Ученые, мыслители и поэты, эти пророки нашего времени, поддерживаютъ мечту о тѣхъ будущихъ временахъ.

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Люди, работающіе для осуществленія этой мысли, называются пасифистами (миролюбцами).

Въ послѣднія десятилѣтія объ этомъ заговорили уже и государственные люди и политики всѣхъ странъ. Между прочимъ созывались по этому предмету международныя совѣщанія. Особенно важное состоялось въ голландскомъ городѣ Гаагѣ. Здѣсь политики всѣхъ народовъ говорили о томъ, чтобы если не устранить вовсе, то хоть затруднить и ограничить войну, выработавъ для нея общеобязательные законы и прежде всего —третейскій судъ для мирнаго рѣшенія международныхъ споровъ.

Но этотъ путь оказался малонадежнымъ. Русскій царь Николай II, по почину котораго созвана гаагская конференція, самъ же вскорѣ началъ ненужную и кровопролитную войну съ Японіей, и никто не могъ помѣшать этому. Право, выражаемое законами, — важное дѣло, но нужна какая-нибудь высшая власть, которая бы его поддерживала и заставила уважать. Каждое отдѣльное отечество, создавая у себя законы, худо ли, хорошо ли, создаетъ также власть для ихъ поддержки. Только такимъ образомъ устраняется война всѣхъ противъ всѣхъ.

Но гдѣ же взять такую власть для международнаго права, особенно когда вспыхнетъ война, сразу обращающая международные договоры въ «клочки бумаги».

Есть, напримѣръ, въ Европѣ нѣсколько маленькихъ государствъ, какъ Бельгія, Швейцарія, Люксембургъ. Большія государства условились ихъ не трогать. Имъ обезпеченъ нейтралитетъ, т. е. полная неприкосновенность ихъ границъ. А за-то они обязаны сами не вмѣшиваться въ войну великихъ державъ и не давать ихъ арміямъ свободнаго прохода, чтобы кинуться другъ на друга. Европа хотѣла изъ нихъ создать какъ бы перегородки, мѣшающія войнѣ. Всѣ, въ томъ числѣ германскіе императоры, торжественно подписали эти договоры о нейтралитетѣ. Но какъ только началась война, — нѣмцы безъ церемоніи потребовали пропуска, чтобы кинуться на Францію. Бельгія, вѣрная обязательствамъ отказала. Тогда нѣмцы раздавили несчастную страну. А когда нѣмецкіе соціалисты упрекнули своего государственнаго канцлера въ этой международной подлости, то Бетманъ-Гольвегъ цинично (съ откровеннымъ безстыдствомъ) заявилъ, что во время войны нельзя стѣсняться «какими-то клочками бумаги».

Война вся основана на силѣ. Чтобы обуздать ее, нужна, значитъ, какая-то еще большая сила, чѣмъ сила отдѣльныхъ государствъ, которая стала бы выше международной войны всѣхъ противъ всѣхъ.

Эту великую задачу беретъ на себя соціализмъ. Со-

ціализмъ, это—еще одно иностранное слово, давно извѣстное русскимъ просвѣщеннымъ людямъ, но съ которымъ еще только приходится знакомиться широкимъ массамъ.

Кромѣ отвѣчнаго раздѣленія людей по отдѣльнымъ народностямъ, вѣрѣ, языку, мѣсту жительства, изстари существуетъ также великое раздѣленіе по общественному (соціальному) положенію. Нѣмецъ, французъ, русскій, англичанинъ говорятъ на разныхъ языкахъ, но работаютъ одинаковымъ образомъ въ поляхъ, въ рудникахъ, на фабрикахъ. И у всѣхъ существуетъ съ одной стороны подавляющая бѣдность, съ другой — излишнее богатство. Это вещь такая же старая, какъ война, и такъ же давно кипитъ у всѣхъ народовъ глухая борьба бѣдныхъ съ богатыми.

Соціалисты говорятъ: до сихъ поръ братство людей недостаточно потому, что люди понимаютъ его неправильно; братьями считались только люди одного отечества, говорящіе на одномъ языкѣ и одинаково вѣрующіе. Но истинные братья не тѣ, кто одинаково говоритъ и вѣруетъ, а тѣ, кто одинаково трудятся и одинаково терпятъ отъ соціальной (общественной) несправедливости. Нѣмецкій рабочій долженъ скорѣе признать братомъ французскаго рабочаго, чѣмъ своего же нѣмецкаго фабриканта. Всѣ рабочіе всего міра должны соединиться, чтобы вмѣстѣ устроить справедливыя отношенія между трудящимися и предпринимателями (трудомъ и капиталомъ). Отсюда тотъ призывъ, который теперь слышенъ такъ часто, который развѣвается на красныхъ знаменахъ: «Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Это — призывъ *международнаго соціализма*. Давно уже сдѣланы попытки объединить рабочихъ въ международное Общество, которое и называется «Интернаціоналомъ». Интернаціоналъ сразу же по своемъ возникновеніи объявилъ: не нужно борьбы разныхъ народовъ за политическое преобладаніе. Нужна борьба *классовъ* за установленіе справедливости во всѣхъ государствахъ

одинаково. Когда объединеніе всѣхъ трудящихся совершится, то въ немъ потонетъ международное соперничество. Войны прекратятся сами собой, потому что не будетъ отдѣльныхъ отечествъ. Въ нихъ-то, въ отечествахъ, —все зло. Какъ прежде войну всѣхъ вели сначала отдѣльные люди, какъ потомъ продолжали ее семьи, роды, племена, области, такъ теперь эту звѣриную войну продолжаютъ отечества. Но отечества рабочимъ не нужны. Они нужны только богатымъ. «У соціалиста не должно быть отечества»,—рѣзко и смѣло заявили основатели Интернаціонала въ такъ-называемомъ «коммунистическомъ манифестѣ» 1848 года.

Вотъ откуда отрицаніе отечества. Какъ видите, оно идетъ издалека и выдумали его не одни выродки и измѣнники. Но мы все-таки увидимъ дальше, что теперешній соціализмъ, провѣривъ эту мысль долгой борьбой мнѣній, отвергъ ее подавляющимъ большинствомъ на всѣхъ своихъ международныхъ съѣздахъ.

VI.

Интернаціоналъ и отечества на международныхъ съѣздахъ.

Постепенно ученіе соціалистовъ ширилось во всѣхъ странахъ. Больше всего въ Германіи, а затѣмъ въ Англіи и Франціи соціалисты проникали въ парламенты, причемъ число подаваемыхъ за нихъ голосовъ по мѣрѣ роста сознанія въ рабочихъ классахъ все возрастало, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и ихъ вліяніе въ своихъ странахъ. Правительствамъ, сначала преслѣдовавшимъ интернаціоналистовъ, пришлось мириться съ тѣмъ, что рабочіе посылаютъ своихъ представителей на международные съѣзды для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ съ точки зрѣнія международнаго соглашенія.

Такихъ съѣздовъ было много. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи они происходили между прочимъ: въ Парижѣ въ 1900 г., въ Амстердамѣ—въ 1904 г., въ Штуттгардтѣ—въ 1907 г., въ Копенгагенѣ—въ 1910 г. и почти на-

канунѣ войны, въ 1912 г.,—въ Базелѣ. На всѣхъ этихъ съѣздахъ много говорилось о томъ, что рабочіе, которые всего болѣе страдаютъ отъ войны, должны предотвратить ее, что только ихъ международный союзъ можетъ дать силу, которая станетъ выше международныхъ споровъ и столкновеній.

Какъ же это сдѣлать? Сначала это казалось просто: безъ рабочаго народа невозможна никакая работа. Значитъ, стоитъ рабочимъ согласится между собой не помогать и даже мѣшать войнѣ, и войны не будетъ. А если опять какое-нибудь государство затѣетъ войну, — надо всѣмъ рабочимъ возстать и объявить войну всѣмъ капиталистамъ. Начнется классовая война вмѣсто войны международной.

Эту мысль особенно горячо отстаивалъ французъ Эрвэ. Онъ стоялъ за первоначальную формулу коммунистическаго манифеста: у соціалиста нѣтъ отечества. «Мнѣ все равно, — говорилъ онъ, — французы ли побѣдятъ нѣмцевъ, или Вильгельмъ возьметъ Парижъ. А я все-таки буду бороться только съ капиталистами моей страны». Къ нему примкнули еще нѣкоторые «антимилитаристы» Франціи и другихъ странъ. Они высмѣивали и оскорбляли отечество и армію, назначеніе которой — защита отечествъ. За это Эрве много сидѣлъ въ тюрьмахъ.

Однако послѣ ряда международныхъ съѣздовъ обнаружилось съ полной ясностью, что современный соціализмъ не отказывается отъ отечества. Правда, на съѣздахъ принимались постановленія, что рабочіе всѣми мѣрами должны бороться съ захватными стремленіями своихъ отечествъ. И соціалисты много сдѣлали для этого каждый у себя. Однажды вождь нѣмецкаго соціализма Бебель произнесъ въ германскомъ рейхстагѣ замѣчательную рѣчь въ этомъ смыслѣ. Бебель былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ Европѣ, которымъ невольно любовались противники. Въ своей рѣчи онъ горько упрекалъ германскіе правящіе классы за ихъ захватныя стремленія, за усиленныя вооруженія, за угрозы общему миру. Когда, наконецъ, онъ сказалъ,

что нѣмецкіе рабочіе должны помѣшать нѣмецкимъ правительствамъ напасть на Россію или на Францію, то ему крикнули со скамей:

— Это — измѣна отечеству!

Бебель отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы — не измѣнники! Мы не хотимъ только, чтобы наше отечество начало войну, какъ грабитель и разбойникъ. Но,—прибавилъ онъ, — если какой-нибудь другой народъ нападаетъ на Германію, то я первый возьму свою старую рушницу (meine alte Flinte) и пойду защищать ее.

Чѣмъ Бебель былъ для Германіи, тѣмъ соціалистъ Жоресъ былъ для Франціи: совѣстью не только своей партіи, но и совѣстью своего народа. Онъ тоже много воевалъ съ шовинистами и захватчиками въ своей странѣ. Но и онъ говорилъ, какъ Бебель:

— Если бы случилось, что какой-нибудь другой народъ напалъ бы на Францію, то мы, соціалисты, умремъ въ первыхъ рядахъ ея защитниковъ.

И оба эти вождя соціалистовъ ясно повторили это на многихъ съѣздахъ, въ томъ числѣ (за четыре года до войны) въ Штуттгардѣ. Оба они доказывали, что у соціалистовъ не можетъ быть отечества.

— Эрве говоритъ, — сказалъ Бебель, — что отечество есть лишь отечество господствующихъ классовъ, что рабочему пролетаріату до него нѣтъ дѣла... Но еще вопросъ, кому принадлежитъ отечество... Почему же всякій народъ терпящій иноземное владычество, — если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно благодѣтельно, — возстаетъ всей массой для борьбы за свободу и отодвигаетъ для этой цѣли все остальное на задній планъ? Мысль Эрве, что рабочему пролетаріату все равно, — принадлежитъ ли Францiя Германіи, или Германія — Франціи, — есть нелѣпость.

Въ залѣ проносятся оживленныя восклицанія, кто-то кричитъ: «Это даже не мысль!», а Бебель продолжаетъ:

— Если бы вы, Эрве, захотѣли провести эту мысль

на практикѣ, то ваши соотечественники затоптали бы васъ ногами. (Восклицанія: «Совершенно вѣрно!»).

Оказалось, такимъ образомъ, что инстинктъ родины живъ и у соціалистовъ. И лучшіе вожди, и огромное большинство разсуждали не такъ, какъ Эрве, а такъ, какъ Якубовичъ. Да, мы знаемъ, что на совѣсти нашихъ отечествъ много несправедливости; что родина бываетъ для многихъ мачехой; мы боремся съ ея грѣхами, но мы любимъ ее и не дадимъ въ обиду, въ случаѣ нужды.

Противники отечествъ говорили, что это — инстинктъ неразумный, что любовь къ родинѣ — чувство зоологическое (т. е. животное). Ну, что-же, — отвѣчали на это защитники родины,—животныя тоже любятъ дѣтей, но нельзя осуждать мать, съ опасностью жизни защищающей ребенка, только потому, что это дѣлаютъ и животныя. Но кромѣ того, любовь къ родинѣ не только — слѣпой инстинктъ. Любить родину—разумно и полезно.

Есть ли уже единое человѣчество? Его еще нѣтъ. А отечества есть. Для человѣчества нужно еще много работать. Гдѣ? Въ отечествахъ. Только добившись преобладанія въ своихъ отечествахъ, сдѣлавъ ихъ свободными и справедливыми, мы подготовимъ союзъ народовъ, отечество отечествъ, единое человѣчество.

Эти мысли развивались и крѣпли съ каждымъ новымъ съѣздомъ.

— Неправда,—говорилъ Фольмаръ въ Штуттгартѣ,— будто интернаціонализмъ враждебенъ національнымъ отечествамъ... Любовь къ человѣчеству не мѣшаетъ нѣмцу быть добрымъ нѣмцемъ. Нельзя прекратить существованіе націй и обратить ихъ въ безразличную народную кашу.

Бебель и нѣмецкіе соціалисты предостерегали противъ классовыхъ возстаній и общихъ забастовокъ.

Мы не хотимъ ослаблять свои силы для чего-то еще несуществующаго, чего мы, быть-можетъ въ нужный моментъ не въ силахъ будемъ выполнить.

— Въ самомъ дѣлѣ, — говорили и другіе, — Интернаціоналъ еще не настолько силенъ, чтобы обезпечить единство дѣйствій всего пролетаріата. Въ однѣхъ странахъ, болѣе культурныхъ, рабочіе болѣе организованы. Допустимъ, что они, повинуясь Интернаціоналу, обезоружатъ своихъ соотечественниковъ. А въ это время другимъ это не удастся, и наиболѣе сознательный народъ будетъ порабощенъ и задавленъ менѣе сознательными. Что тогда скажетъ побѣжденный народъ? Не скажетъ ли онъ, что свои же братья, соціалисты, связали ему руки и сдѣлали беззащитнымъ въ общей международной свалкѣ? И это сдѣлано во имя призрачнаго еще Интернаціонала, который оказался безсильнымъ защитить его.

Жоресъ отъ имени французовъ предложилъ даже внести въ постановленіе штуттгардскаго съѣзда, что «защита независимости всякой родины, которой угрожаетъ иноземное нашествіе, *составляетъ настоятельный долгъ соціалистовъ угрожаемой націи*».

— Отечество, это — сокровищница человѣческаго генія, — сказалъ Вальянъ при общемъ одобреніи, — и не подобаетъ пролетаріату разбивать эти драгоцѣнные сосуды человѣческой культуры!

А шведъ Брантингъ обобщилъ всѣ эти мнѣнія и сказалъ:

— Мы должны быть благодарны Эрве: онъ далъ намъ возможность обнаружить полное единодушіе въ томъ, что интернаціонализмъ и національность не только не противны другъ-другу, а, наоборотъ, взаимно другъ-друга дополняютъ.

Наконецъ, докладчикъ съѣзда бельгіецъ Вандервельде повторилъ слова Бебеля:

— Существованіе свободныхъ націй является ступенью для самой интернаціональности, такъ какъ только *изъ союза свободныхъ народовъ* возникаетъ будущее единое человѣчество!

VII.

Предвѣстники великой войны. — Базельскій съѣздъ.

Между тѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ уже поднималась темная туча.

Въ этомъ уголкѣ Европы — тѣсно, и въ давней враждѣ между собой жило много мелкихъ народовъ, когда-то покоренныхъ и задавленныхъ нашествіемъ турокъ, но всегда мечтавшихъ объ освобожденіи. Постепенно удалось освободиться Греціи, Сербіи, Болгаріи и Румыніи; но подъ турецкимъ владычествомъ оставались еще христіанскія земли, въ томъ числѣ Македонія. Эта страна населена болгарами, греками, сербами и румынами, и всѣ эти народности, ненавидя турокъ, также ненавидѣли другъ друга. Это былъ настоящій узелъ національныхъ вопросовъ, запутанный стихійной (бездумной) исторіей народовъ, съ ихъ войной всѣхъ противъ всѣхъ. Греки мечтали о Великой Греціи, сербы — о Великой Сербіи, болгарамъ снилась Великая Болгарія, а румынамъ — Великая Румынія. И каждый изъ этихъ народовъ мечталъ стать господствующимъ на полуостровѣ вмѣсто Турціи. Поэтому, когда македонцы возстали противъ турокъ, то сначала Греція, Сербія и Болгарія соединились противъ Турціи, а потомъ, одолѣвъ турокъ, кинулись другъ на друга. А такъ какъ при этомъ и великія державы Европы, — Россія, Италія, Австрія и Германія, — тоже высматривали, чѣмъ бы поживиться изъ турецкаго наслѣдства, то всѣ чувствовали, что война всѣхъ противъ всѣхъ надвигается и на Европу, которая давно уже болѣла «вооруженнымъ миромъ». Нѣмцы боялись усиленія Россіи и всеславянства. Русскіе имѣли основанія бояться всегерманства. Франція не могла забыть, что Германія отняла у нея въ 1870 году Эльзасъ и Лотарингію, и боялась, что нѣмцы опять могутъ кинуться на нее.

И всего хуже было то, что всѣ эти опасенія не были

лишены основаній. При войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ среди народовъ всякое усиленіе одной державы вредно и опасно для другой. Поэтому каждый и стремился схватить, что можно, у развалившейся Турціи и не дать другому...

Европа раздѣлилась на враждебные лагери. Россія и Франція съ одной стороны, Германія и Австрія — съ другой, спѣшно вооружались. Другія державы разсчитывали, куда имъ примкнуть въ случаѣ свалки. Дипломаты шептались, государственные люди собирались на тайныя совѣщанія, заключались и разстраивались союзы. Европа безпокоилась и металась передъ бурей, собираясь опять прибѣгнуть къ старому способу рѣшенія международныхъ споровъ, — добиться мира войной и порабощеніемъ, быть-можетъ, только для того, чтобы тотчасъ же изъ одной войны перейти въ другую...

При такихъ обстоятельствахъ соціалисты рѣшили созвать внѣочередной международный съѣздъ, чтобы обсудить грозное положеніе. Старый швейцарскій городъ Базель предложилъ имъ свое гостепріимство, и съѣздъ состоялся въ этомъ городѣ въ 1912 году. Вся Европа устремила на него свои взгляды съ тоской и надеждой. Базельское кантональное правительство во главѣ со своимъ президентомъ, привѣтствовало вождей рабочаго Интернаціонала на вокзалѣ. Базельскій церковный совѣтъ предоставилъ для съѣзда зданіе стариннаго собора и встрѣтилъ членовъ съѣзда торжественнымъ колокольнымъ звономъ. Все показывало, какія ожиданія возлагались на этотъ, съѣздъ. Его задачи выходили изъ узкихъ классовыхъ рамокъ, его цѣли были одинаково близки лучшимъ людямъ всѣхъ классовъ, всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Онѣ совпадали съ вѣчными стремленіями человѣческаго объединенія. Соціализмъ становился между мрачнымъ прошлымъ полнымъ войны всѣхъ противъ всѣхъ, и призывомъ къ свѣтлому будущему единаго человѣчества.

Впечатлительный и краснорѣчивый Жоресъ проникся настроеніемъ минуты и въ своей привѣтственной рѣчи,

указывая на старинные колокола собора, припомнилъ латинскій стихъ. Шиллера; «Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango»: Значитъ: колоколъ сзываетъ живыхъ, оплакиваетъ мертвыхъ, разсѣиваетъ звономъ грозовыя тучи. Такъ и съѣздъ международныхъ соціалистовъ собрался здѣсь, чтобы оплакать уже погибшихъ на Балканахъ въ кровавой войнѣ, призвать живыхъ къ миру и разсѣять надвигающуюся на Европу грозу.

Но что же для этого нужно сдѣлать? Уже предыдущіе съѣзды выяснили, что соціалисты могутъ призывать къ миру своихъ соотечественниковъ, но международной силы у нихъ еще нѣтъ. Поэтому и базельскій съѣздъ высказалъ много превосходныхъ мыслей, но затѣмъ повторилъ, какъ и штутгардтскій, резолюцію копенгагенскаго съѣзда: соціалисты должны помѣшать начатію войны. А если она все-таки начнется, то они должны поскорѣе прекратить ее и воспользоваться кризисомъ для того, чтобы ускорить паденіе капиталистическаго строя.

Но какими средствами этого достигнуть, Интернаціоналъ не говорилъ. Средства онъ предоставлялъ «на усмотрѣніе отдѣльныхъ національностей». Болѣе того: онъ не могъ поручиться, что если соціалистамъ какого-нибудь народа удастся обезоружить свое отечество, то то же сдѣлаютъ, и другіе. А если другіе не сдѣлаютъ то для чего же стараться? Только для того, чтобы помочь захватчикамъ одного народа раздавить чужія отечества? Какая же польза отъ этого единому человѣчеству?

Чувства, возбужденныя базельскимъ съѣздомъ, были смутны и неопредѣленны. Единое человѣчество — попрежнему еще только мечта. Базельскіе колокола могли только оплакивать мертвыхъ и звать живыхъ къ миру. Но разсѣять грозовыя тучи одни колокольные звуки и слова оказались безсильны.

Отечества вооружались, а у человѣчества не было силы, чтобы предписать всѣмъ единый законъ. Соціалисты возвращались въ свои отечества не съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ, а съ общимъ настроеніемъ: слѣдуетъ мѣшать нападенію, нужно помогать защитѣ. Это — из-

вѣстное, старое правило, выражаемо поговоркой: на нападающаго — Богъ!

Но какъ опредѣлить при войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, кто нападаетъ и кто защищается. Въ прошломъ столѣтіи происходила знаменитая семилѣтняя война (съ 1756 по 1763 г.). И до сихъ поръ историки спорятъ о томъ, кто ее задумалъ первый. Правда, Фридрихъ прусскій первый вторгнулся вь Австрію. Но онъ сдѣлалъ это потому, что узналъ навѣрное, что Австрія уже заключила союзъ съ Россіей, чтобы напасть на Пруссію. А Австрія хотѣла напасть, чтобы вернуть отнятую у нея Силезію. И такіе счеты у всѣхъ государствъ уходятъ далеко въ прошлое. Каждый народъ можетъ насчитать много такихъ обидъ отъ сосѣда, какъ и тотъ отъ него. Въ этомъ — глубокая неисходная трагедія человѣчества.

VIII.

Война — трагедія.

Теперь я долженъ объяснить, почему я поставилъ въ заголовкѣ этой главы далеко не всѣмъ понятное слово «трагедія». Я не могъ избѣгнуть этого иностраннаго слова потому, что оно одно выражаетъ основную мысль всей моей статьи.

Трагедіей греки называли такое стеченіе грозныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, когда есть на-лицо страшная вина, влекущая наказаніе, но нѣтъ виновныхъ. Убить отца... жениться послѣ этого на родной матери... Можетъ ли быть болѣе страшное нарушеніе божескихъ и человѣческихъ законовъ? Но Эдипъ, которому «на роду было написано» совершить эти тяжкія преступленія, былъ человѣкъ благочестивый, мудрый, высокой нравственности. Почему же онъ совершилъ ихъ?

Такова,—говорили древніе греки,—его судьба. Всѣмъ въ этомъ мірѣ правитъ *Рокъ*, противъ котораго безсильны даже боги. Въ книгѣ судебъ отъ вѣка было написано, что у фиванскаго царя Лая родится сынъ, который убьетъ отца и послѣ этого женится на родной ма-

тери. Когда родился Эдипъ, то отецъ, чтобы избѣгнуть Рока, отправилъ его въ дальнія страны, гдѣ онъ выросъ въ безвѣстности. Но когда онъ пришелъ въ возрастъ, то отправился путешествовать по свѣту и пришелъ въ Фиванскую землю, не зная, что приближается къ родинѣ. Въ тѣ времена, близкія еще къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, на него, чужестранца, напали съ цѣлью убить его. Защищаясь, онъ убилъ предводителя, не зная, что это его отецъ. Потомъ пришелъ въ Фивы, обратилъ на себя вниманіе своей мудростью и, по общему желанію жителей, сталъ царемъ и женился на вдовѣ-царицѣ, не зная, что это его мать.

Нигдѣ тутъ нѣтъ умышленнаго грѣха, ни въ какомъ отдѣльномъ дѣйствіи. Но изъ всѣхъ отдѣльныхъ дѣйствій слагается страшное нарушеніе божескихъ законовъ, требующихъ возмездія. Люди любятъ и уважаютъ Эдипа, боги его жалѣютъ, но наказаніе онъ все-таки несетъ.

Мы не вѣримъ въ такую власть слѣпаго рока и знаемъ, что судьба людей должна быть въ ихъ собственныхъ рукахъ. Но мы часто слишкомъ поспѣшно находимъ ближайшихъ виновниковъ. Кто, напримѣръ, виновенъ въ томъ, что такой-то человѣкъ сошелъ съ ума? Онъ самъ? Его образъ жизни? Или образъ жизни и какія-нибудь излишества его родителей? Часто ни то, ни другое: на человѣкѣ отражается сумашествіе его отдаленнаго предка.

Не то же ли съ войной, этимъ сумашествіемъ человѣчества? Такъ ли ужъ легко найти ея ближайшихъ виновниковъ? Кто они?

Военные? Вѣдь это они убиваютъ своихъ ближнихъ! Но вѣдь они и умираютъ первыми, и имъ, конечно, было бы пріятнѣе получать жалованье и красоваться въ живописныхъ мундирахъ, не рискуя каждую минуту попасть на штыкъ или подъ пулю.

Правительства? Да, нѣтъ сомнѣнія, что правительства, особенно монархическія, часто затѣваютъ войны,

чтобы отвлечь вниманіе народовъ отъ[1] внутреннихъ вопросовъ. Но теперь правительства въ большей части странъ демократическія, т. е. ставятся самими народами и если есть черта, отличающая нынѣшнюю войну отъ прежнихъ, то это отличіе въ томъ, что это — война народовъ, а не однихъ правительствъ. Въ Германіи соціализмъ всего сильнѣе. И однако она оказалась наиболѣе готовой къ войнѣ, и соціалисты въ ней—лучшіе солдаты.

Капиталисты и имущіе классы? Ну, вотъ мы и нашли причину, на которую теперь указываютъ всѣ «лѣвыя» партіи. Стало теперь общей фразой, что войну всегда вызываетъ буржуазія, и этому такъ легко повѣрить. Стоитъ только указать на огромныя военныя прибыли предпринимателей. Но объяснять войну жадностью къ военнымъ прибылямъ—совершенные пустяки. Много ли тѣхъ, кто прямо наживается на войнѣ? А вся промышленность и торговля отъ нея страдаютъ. Кромѣ того при общей воинской повинности сыновья имущихъ классовъ тоже гибнутъ на поляхъ сраженій. Какими деньгами вознаградишь такія потери?

Можно сказать, конечно, что при нынѣшнемъ строѣ, который весь основанъ на неравенствѣ, и война на долю однихъ несетъ больше тягостей, на долю другихъ — больше выгодъ. Но это уже слѣдствіе общаго порядка и въ мирное время, а не причина войны. Можно еще сказать: да, война страшна и неудобна всѣмъ, но завоеванія и захваты выгодны однимъ капиталистамъ, а не рабочимъ. Только имъ и нужны новыя земли для эксплоатаціи.

Но если пристально вдуматься въ этотъ вопросъ, то и это окажется невѣрно. Когда удачными переговорами или войной, страна пріобрѣтаетъ новую землю, новый рынокъ для сбыта своихъ товаровъ, то опять капиталисты получаютъ большую долю, какъ и во всемъ, но нельзя отрицать, что выигрываетъ часто и весь народъ. Расширяется спросъ на трудъ, поднимается рабочая плата, получаются болѣе дешевые колоніальные товары, —выигрываютъ всѣ классы. Не говоря уже о такихъ

случаяхъ, когда ведется война для освобожденія отъ чужеземнаго ига и притѣсненія.

Да, слишкомъ легкія объясненія по большей части бываютъ невѣрны. Народы были бы ужъ слишкомъ глупы, если бы такъ легко шли на бойню изъ-за барышей однихъ капиталистовъ. Я уже говорилъ ранѣс, что войны были задолго до того, какъ явились капиталисты или «господствующіе классы». Война — явленіе старое и глубокое, дѣйствительно еще зоологическое.

Есть на Средиземномъ морѣ большой островъ — Корсика. О немъ говорили еще недавно, что тамъ рѣдкій мужчина умираетъ своею смертью. На этомъ островѣ существуетъ обычай родовой мести. За убійство или обиду платятъ убійствомъ же. Мальчикъ осиротѣлой семьи, подрастая, знаетъ, что на немъ лежитъ «священная обязанность» убить такого-то. Иванъ убиваетъ Петра, потому что Петръ убилъ его отца. А Петръ убилъ отца Ивана потому, что тотъ убилъ его брата. А если у убитаго нѣтъ брата или сына, то долженъ отомстить дядя или племянникъ. И если начать розыски, — кто началъ эту непрерывную цѣпь убійствъ, — то можно, пожалуй, дойти до Каина. Нѣтъ въ отдѣльности ни правыхъ, ни виновныхъ, а виновны всѣ, что до сихъ поръ не сумѣли найти другаго способа установить справедливость, кромѣ взаимнаго убійства, которое поэтому и тянется изъ безконечнаго прошлаго въ будущее.

Европа, если посмотрѣть на ея международныя отношенія, представляется такой же Корсикой. Нѣтъ въ ней ни одного народа, который когда бы то ни было не воевалъ съ другими народами. Нѣтъ ни одного, который бы въ прошломъ или настоящемъ не обидѣлъ другого народа и самъ не потерпѣлъ бы обиды. Каждый народъ при случаѣ вспоминаетъ, что его отечество вытерпѣло отъ другихъ. И это правда. А другіе вспоминаютъ, что вытерпѣли отъ него. И это тоже правда. Всѣ отечества складывались не по законамъ любви и правды, а зачаты въ первородномъ грѣхѣ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Складывались они въ бездушномъ процессѣ исторіи по

праву насилія. И оттого вышло, что однимъ народамъ просторно на бѣломъ свѣтѣ, другимъ тѣсно. У однихъ есть хорошіе доступы къ морю, удобные пути сообщенія со всѣмъ свѣтомъ, хорошія земли, природныя богатства. Другіе оттерты и затѣснены, имъ навязаны невыгодные договоры, и они вынуждены работать для другихъ.

Если мы посмотримъ на балканскій полуостровъ, съ котораго начался великій пожаръ, то увидимъ, что онъ похожъ на большую кладовую, въ которую плохой хозяинъ,—исторія прошлыхъ временъ,—свалила кучи народовъ другъ на-друга безъ всякаго соображенія объ ихъ удобствахъ. Понятно, что они толкаются, тѣснятъ другъ-друга и грызутся.

То, что было на балканахъ, было и во всей Европѣ, и вотъ почему, когда Австрія предъявила Сербіи свой ультиматумъ (срочное требованіе), котораго ни одно государство не могло бы принять, не теряя самостоятельности, то это и послужило сигналомъ общеевропейской свалки... Сначала у австрійскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ хватило мужества признать, что австрійскія требованія невозможны.

— Это вы первые нападаете, — говорили они своимъ отечествамъ. — Вы совершаете преступленіе.

Но когда Россія, понявъ это именно, какъ объявленіе войны, стала мобилизовать войска, то Германія и Австрія крикнули своимъ народамъ:

— Россія собирается напасть на насъ!

И всѣ народы сразу почувствовали, что великая трагедія надвинулась, что некогда имъ разбираться, кто дѣйствительно нападаетъ первымъ, потому, что всѣ и всегда готовы напасть на всѣхъ... И какъ нѣкогда въ библейскія времена порой проносился крикъ: «Израиль, по кущамъ твоимъ!», и отдѣльныя племена сбѣгались къ своимъ шатрамъ, такъ и теперь, отечества созывали своихъ сыновъ подъ знамена для защиты въ общей безумной свалкѣ.

Подъ вліяніемъ внѣшней опасности стихали распри,

классовая борьба внутри прекращалась. Соціалисты входили въ составъ общеклассовыхъ правительствъ, чтобы показать, что теперь считаютъ самымъ важнымъ дѣломъ — защиту отечествъ по завѣтамъ Бебеля и Жореса...

Бебель въ это время уже умеръ... Жореса почти накануне войны сразила пуля націоналиста-фанатика, не понимавшаго, какой ударъ онъ наноситъ своему же отечеству...

Война разразилась.

IX.

Тоска о мирѣ.

Вскорѣ послѣ базельскаго съѣзда англійскій министръ Венстонъ Черчиль сказалъ: «Никто не можетъ предвидѣть послѣдствій общеевропейской войны. Никто не можетъ сказать, что существуетъ хотя бы одна держава, которая въ случаѣ войны не подвергнется страшному катаклизму (разрушительному потрясенію)... Все можетъ полетѣть въ пропасть... Война несетъ такое разрушеніе въ экономическую и національную жизнь, что человѣчество вернется къ варварству Среднихъ вѣковъ. Когда-нибудь исторія напишетъ о насъ: это поколѣніе людей вдругъ сдѣлалось безумнымъ и въ порывѣ бѣшенства само истребило себя».

Это предсказаніе исполняется. Несчастная Бельгія уже раздавлена, Сербія—тоже, Румынія — при послѣднемъ издыханіи. Эти маленькія державы погибли первыми. Великія государства еще продолжаютъ борьбу, но и они истекаютъ кровью.

Всѣ чувствуютъ, что этому ужасу пора положить конецъ, но старая Европа привыкла, что миръ добывается только войной и чьей-нибудь побѣдой. Поэтому обѣ стороны, задыхаясь въ свалкѣ, говорятъ: «Мы деремся для мира. Именно для мира мы должны побѣдить!».

Военная партія Германіи давно уже питаетъ мечту,

что срединная Европа, т. е. Германія съ помощью Австріи, Болгаріи и Турціи, побѣдитъ восточную и западную европейскія окраины: Россію, Францію, Англію и Италію, послѣ чего нѣмцы станутъ верховными хозяевами Европы. «Что вы говорите намъ о старомъ международномъ правѣ,—писалъ выдающійся нѣмецкій писатель-публицистъ Максимиліанъ Гарденъ въ началѣ войны.—Мы дадимъ вамъ новое право, и вы вынуждены будете ему подчиниться». Такъ думали многіе выдающіеся нѣмцы. Германія уже смотрѣла на Европу, какъ на свое имѣніе, гдѣ строгій хозяинъ водворитъ выгодный ему порядокъ среди подчиненныхъ.

Но это было въ первый годъ войны, когда Германія была упоена побѣдами. Она долго и предусмотрительно готовилась къ войнѣ на оба фронта, и казалось, ея ожиданія сбываются. Теперь и въ Германіи немногіе уже говорятъ такимъ языкомъ. Германія тоже изнемогаетъ, и о вѣроятной побѣдѣ думаютъ ея противники. Они тоже говорятъ, что дерутся только для мира. Германія, — заносчивое и воинственное изъ отечествъ, — должна быть побѣждена. Нужно не только побѣдить ее, но обезсилить, обезкровить, обезденежить какъ можно больше, чтобы она походила на человѣка при послѣднемъ издыханіи. Пока она отдышется, остальные народы вздохнутъ свободно и возьмутъ такую силу, что уже никогда она не сможетъ грозить остальной Европѣ...

Только такимъ путемъ,—говорятъ державы согласія, —можно достигнуть мира, не вѣчнаго и призрачнаго, о какомъ мечтаютъ соціалисты, а временнаго, какъ все на землѣ. Не для всего человѣчества, а для нашихъ нынѣшнихъ отечествъ.

Эти политики не хотятъ видѣть, что, кто-бы ни побѣдилъ, — ихъ миръ будетъ все-таки призраченъ и непроченъ. Пришло время, когда нельзя рѣшать такіе вопросы безъ мысли о человѣчествѣ. Миръ черезъ войну, —какъ новое убійство изъ родовой мести на Корсикѣ, —только удлинитъ вѣковѣчную цѣпь общихъ преступленій, прибавитъ новое раскаленное звено въ войнѣ

всѣхъ противъ всѣхъ. Балканскій полуостровъ — превосходный примѣръ: кто поручится, что между союзными нынѣ великими державами не подымется такая же свалка изъ-за добычи, какая поднялась между балканскими народами. Государственные люди союзныхъ странъ тотчасъ же станутъ завистливо смотрѣть другъ на друга, вспыхнутъ забытое на время соперничество и споры, выступитъ если не всегерманизмъ, то всеромнизмъ или всеславянство, и скоро солнце мира закатится опять въ кровавыя тучи.

И кромѣ того, пока взойдетъ это сомнительное солнце, кровавая роса взаимнаго истребленія выѣстъ глаза у всѣхъ народовъ. Современная война ведется не на однихъ поляхъ сраженій. Чувствуютъ ее не только тѣ, у кого есть на этихъ поляхъ дѣти, братья, мужья... Ее чувствуютъ всѣ отъ дворцовъ до хижинъ, и, если бы съ какой-нибудь планеты можно было вслушаться въ стоны и вопли, несущіеся съ нашей преступной и несчастной земли, то во всѣхъ этихъ звукахъ слышался бы теперь одинъ общій вздохъ: «Миръ! миръ!». О мирѣ мечтаютъ всѣ, но нѣтъ волшебнаго слова, которымъ можно было бы заклясть и усмирить бушующихъ демоновъ истребленія...

X.

Русскій мирный призывъ. Миръ безъ аннексій и контрибуцій.

И вотъ наше отечество пытается сказать это слово.

Наше отечество вступило въ войну рабомъ самодержавія. Къ концу ея оно подходитъ обезкровленнымъ, какъ всѣ, можетъ-быть, болѣе другихъ обезсилѣвшимъ, но свободнымъ. Оно пережило революцію, а во время такихъ переворотовъ народы пріобрѣтаютъ иногда способность ясновидѣнія. Они — плохіе дипломаты, но порой являются пророками.

Россія предлагаетъ миръ безъ аннексій и контрибу-

цій, т. е. безъ земельныхъ захватовъ и карательныхъ штрафовъ съ чьей бы то ни было стороны.

Когда-нибудь этотъ кровавый сонъ минуетъ. Люди оглянутся на эту войну, какъ на прошлое. Я не знаю что тогда придется сказать о Россіи. Дойдетъ ли наше отечество до конца свалки народовъ съ сознаніемъ правды, свободы и чести, или наши ошибки отдадутъ насъ во власть завоевателя, покрывъ Россію позоромъ. Это будетъ зависѣть отъ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Пока одно для меня несомнѣнно: Россія сказала о мирѣ важное и новое слово.

Въ романѣ «Война и миръ» Л. Н. Толстого есть такой эпизодъ. Раненый князь Андрей лежитъ на полѣ сраженія и смотритъ въ глубокое синее небо. И въ это время въ его головѣ рождаются глубокія мысли о жизни и смерти, о войнѣ и мирѣ.

Многимъ теперь приходятъ въ голову эти мысли, и наше отечество, какъ израненный боецъ на полѣ сраженія, говоритъ народамъ: «Довольно войны и убійствъ. Вѣдь люди — братья!».

Кто можетъ не согласиться съ этой мыслью? Вѣдь это все равно. какъ если бы на Корсикѣ кто-нибудь, раненый въ свалкѣ родовой мести, крикнулъ своимъ друзьямъ и врагамъ. «Не надо мести! Всѣ мы виновны въ томъ, что терпимъ звѣрскій обычай самоистребленія». Приблизительно то же русскій народъ говоритъ теперь всему міру. Хотѣлось бы вѣрить, что когда-нибудь наши потомки будутъ гордиться: это Россія, это наше отечество первое сказало среди звѣриной свалки истинно-человѣческое слово: война — трагедія. Въ ней виновны всѣ народы передъ высшимъ судомъ человѣчества. Поэтому не надо захватовъ и контрибуцій. За общую вину не можетъ быть ни казни, ни награды.

Я знаю: противъ этого возстанетъ много честныхъ людей, привыкшихъ любить отечество по-старому. Какъ? — скажутъ они.—Но развѣ Австрія не предъявила Сербіи требованія, (ультиматума), которое соціалисты ея и Германіи единодушно признали первымъ вызовомъ? Раз-

вѣ, по вашему, Россія могла оставить славянъ въ порабощеніи германизму? А Франція не должна ли была помочь намъ, ея союзникамъ, при нагломъ вызовѣ? Развѣ не Германія напала на несчастную нейтральную Бельгію за вѣрность международному договору? Какъ же послѣ этого не сказать, что войну начала Австро-Германія, а остальные народы только обороняются?

Да, я тоже думаю, что на Германіи лежитъ большая доля отвѣтственности. Она представляетъ давно самую воинственную страну въ Европѣ. Ея внезапные успѣхи въ войнѣ на два фронта показываютъ ясно, что она готовилась долго и преумышленно. «У человѣка, который первый зажжетъ міровой пожаръ, — сказалъ, если не ошибаюсь, англичанинъ Чемберленъ,—должно быть желѣзное сердце». Да, желѣзное сердце и безжалостный взглядъ!.. Въ Германіи, руководимой прусской военщиной, въ этомъ недостатка не оказалось, и это она твердой рукой поднесла огонь къ готовому костру всеобщей войны всѣхъ противъ всѣхъ.

Но скажемъ правду: самый костеръ приготовленъ не одними германцами. Одни больше, другія меньше, но всѣ государства готовили десятилѣтіями горючій матеріалъ, и нѣтъ ни одного самаго малаго народца, который не притащилъ бы свою вязанку, какъ извѣстная вдовица на костеръ мученика Гуса. И когда это опасное сооруженіе было готово, то политики всѣхъ государствъ ходили вокругъ него, зорко высматривая, когда именно слѣдуетъ поджечь костеръ, чтобы это было наиболѣе выгодно ихъ отечествамъ. Всѣ они сочли бы преступленіемъ, каждый для себя, пропустить удобный моментъ. У Германіи разсчетъ оказался вѣрнѣе, рука тверже. Но это-то и нужно въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, пока она не существуетъ. И германцы подожгли костеръ въ нужное для нихъ время...

Въ разгаръ франко-прусской войны 1870 года, еще до окончательной побѣды нѣмцевъ, нѣмецкій профессоръ Бидерманъ говорилъ на студенческомъ праздникѣ въ Лейпцигѣ: «Мы нанесемъ французской націи такое по-

раженіе, что она въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія не сможетъ думать о войнѣ. Мы достигнемъ этого, если позаботимся, чтобы и тѣло Франціи стало нѣсколько меньше» [1]). И это исполнилось. Нѣмцы побѣдили, наложили на Францію тяжелую контрибуцію и отхватили у нея двѣ провинціи.

Стоило это очень дорого. Уже тогда война была ужаснѣе всѣхъ предыдущихъ. Усовершенствованныя ружья косили сплошь цѣлые батальоны. Прусскій король писалъ своей женѣ: «Потери такъ огромны, что это отравляетъ радость побѣды». А въ берлинской газетѣ «Будущее» писали по этому поводу: «Предъ блѣднымъ лицомъ смерти склоняются рожденные въ пурпурѣ. Слишкомъ далеко захватилъ ея серпъ, слишкомъ обильна жатва» [2]).

Нѣмецкіе соціалисты уже тогда предупреждали свой народъ противъ захватовъ. Но ихъ не слушали. И вотъ тѣ самые юноши-студенты, которые тогда рукоплескали Бидерману, стали отцами и дѣдами, и теперь ихъ дѣти и внуки поятъ своей кровью тѣ же поля Франціи въ войнѣ, передъ которой даже война 1870 года представляется уже игрушечной. И опять обѣ стороны говорятъ о контрибуціяхъ, о захватахъ, которые должны ослабить тѣло противника! Какой же выраститъ посѣвъ изъ этого новаго сѣмени и какъ глубоко захватитъ серпъ смерти въ слѣдующей войнѣ, если Европа и теперь не сумѣетъ прекратить международную войну всѣхъ противъ всѣхъ!

Вотъ противъ чего предупреждаетъ теперь голосъ Россіи, пережившей переворотъ и одержимой припадкомъ ясновидѣнія. «Не надо захватовъ!». Это сказала сначала русская демократія народамъ, потомъ подтвердило государство государствамъ, какъ первую основу для мира.

За себя Россія впередъ отказывается отъ Константинополя и проливовъ, которые уже были обѣщаны намъ

---

[1]) Бебель. «Моя жизнь». Ч. II, вып. I, стр. 166.

[2]) Тамъ же, стр. 169.

нашими союзниками въ случаѣ побѣды. Правда, мы слышимъ то-и-дѣло, что Константипополь и проливы вовсе не нужны нашему народу, а нужны только капиталистамъ, торговцамъ и промышленникамъ. Но это совершенно не такъ. Правильнѣе сказать, что они нужны нашей торговлѣ и промышленности. Отъ этого капиталисты выиграли бы прежде всего, но,—я уже говорилъ это выше,—выигралъ бы и весь народъ. Не говоря о томъ, что, владѣя проливами, мы были бы хозяевами на Черномъ морѣ и въ случаѣ новой войны не пустили бы вражескихъ кораблей громить наши приморскіе города, какъ это то-и-дѣло бывало въ настоящую войну,—мы вдобавокъ могли бы уменьшить постоянныя траты на дорогой черноморскій флотъ.

Совершенно ясно, что и на случай войны и на случай мира обладаніе проливами принесло бы огромную пользу всей Россіи, и когда П. Н. Милюковъ, будучи министромъ, такъ упорно отстаивалъ эту обѣщанную намъ долю будущей военной добычи, то онъ отстаивалъ ее не для однихъ капиталистовъ, но и для всего государства.

Это—несомнѣнно, но какой цѣной досталась бы намъ эта добыча и какой цѣной пришлось бы ее отстаивать въ будущемъ? Захватъ ведетъ къ необходимости новыхъ захватовъ, какъ война призываетъ войну. Мы стали бы сильнѣе для войны всѣхъ противъ всѣхъ, если ей суждено продолжаться и въ будущемъ, но мы сами ослабили бы возможность единенія и мира въ человѣчествѣ. Пришлось бы тотчасъ же принимать мѣры, чтобы обезпечить «плоды побѣды». Для этого, вѣроятно, пришлось-бы какимъ-нибудь захватомъ отъ Турціи и Болгаріи,—а можетъ и отъ союзной Румыніи,—продолжить на Балканскомъ полуостровѣ полосу, соединяющую насъ съ нашими новыми владѣніями. А это повело бы къ столкновеніямъ съ тѣми самыми малыми народами полуострова, которыхъ мы якобы защищаемъ. И т. д. Мы сдѣлали бы большой шагъ въ сторону нашихъ выгодъ въ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на-

несли бы ударъ прочному миру въ Европѣ. Нашъ захватъ въ этой войнѣ посѣялъ бы зародыши будущей войны, какъ нѣмецкій захватъ 1870 года посѣялъ нынѣшнюю войну.

Теперь Россія говоритъ: не надо захватовъ. Постараемся договориться такъ, чтобы проливы приносили пользу всѣмъ.

Возставшій народъ — не дипломатъ. Дѣлаютъ много возраженій русскому призыву. Что такое захватъ и что такое контрибуція? Какъ быть съ тѣми контрибуціями, которыя Германія уже содрала съ занятыхъ мѣстностей? Какъ быть съ разоренной въ конецъ Сербіей? Кто возстановитъ Бельгію, пострадавшую за вѣрность установленнымъ всей Европой договорамъ о нейтралитетѣ?...

Да, все это вѣрно, если смотрѣть на русское обращеніе, какъ на дипломатическую ноту или проектъ международнаго закона. Но это ни то, ни другое. Это — человѣческій голосъ среди звѣриной свалки. Это — призывъ къ переговорамъ о мирѣ на новыхъ началахъ, рука, протягиваемая во имя будущаго.

Она осталась висѣть въ воздухѣ. Ея не приняли. Это, говорятъ, постыдно для нашего отечества.

Нѣтъ, это не постыдно. Напоминаніе о высшихъ истинахъ человѣчности, само по себѣ не приноситъ стыда. Принять протягиваемую нами руку или отвернуться,— дѣло другихъ, а мы отвѣчаемъ только за свои слова и поступки. И только отъ нашего собственнаго поведенія зависитъ, во что обратится нашъ призывъ: въ великое дѣло или въ ничтожныя слова безъ значенія и вѣса.

Кѣмъ сдѣланъ призывъ? Какой-нибудь политической партіей? Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Частью арміи, находящейся въ Петроградѣ?

Тогда онъ стоитъ немного, во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ смѣлый протестъ нѣмецкихъ соціалистовъ въ 1870 году. Вѣрная мысль, честное мнѣніе, но оно не могло остановить войны ни тогда, ни впослѣдствіи,

Лишь послѣ того, какъ этотъ призывъ повторенъ нашимъ правительствомъ въ международныхъ нотахъ, онъ сталъ голосомъ Россіи, который русское государство берется поддержать на мирномъ совѣщаніи народовъ.

Но отсюда возникаетъ новый вопросъ, огромнаго роковаго значенія.

XI.

Отечество и человѣчество.

Да, это такъ. Своимъ призывомъ Россія взяла на себя заступничество за дѣло всего человѣчества. Не просто

временный миръ для себя и союзниковъ, а основа прочнаго, быть-можетъ, вѣчнаго міра для всей Европы. Такова задача, провозглашенная Россіей.

И вотъ когда русскимъ соціалистамъ приходится исполнить завѣтъ лучшихъ вождей европейскаго соціализма: «не разрывайте съ отечествами». Только черезъ отечество мы можемъ выполнить великую задачу. Россіи нужна была сила для самозащиты въ трагической свалкѣ народовъ. Она должна стать вдвое сильнѣе, чтобы защищать не только себя, но и дѣло человѣчества

Призывъ нашъ, конечно, не остался безъ отклика. Несмотря на грохоть войны, его услышали и правительства, и народы, онъ вызвалъ движеніе умовъ и сердецъ. Въ дѣлѣ войны у насъ есть прямые враги и прямые союзники. Въ дѣлѣ мира у насъ тоже есть сторонники даже среди враговъ, есть противники среди части союзниковъ.

И тѣ и другіе съ затаеннымъ дыханіемъ ждутъ послѣдствій. А послѣдствія зависятъ не отъ однихъ словъ, но и отъ дѣлъ, т. е. отъ вѣса и значенія нашего отечества.

Мы сказали врагамъ:

— Вы слышите: мы предлагаемъ миръ безъ захватовъ, мы впередъ отказались отъ нихъ и ищемъ новой основы для мирнаго сожительства народовъ послѣ этой ужасной войны. Но нашъ голосъ — не голосъ малодушія и слабости. Мы говоримъ это во всеружіи, готовы къ защитѣ и къ нападенію. Выбирайте.

И мы говоримъ союзникамъ:

— Мы сохранили вѣрность общему дѣлу. Но революціонная Россія услышала призывъ человѣчества, и мы предлагаемъ новыя основы для мира, которыя могутъ упразднить международную войну всѣхъ противъ всѣхъ. Протянемъ же другъ-другу руки и для этого святаго дѣла. Только въ немъ—истинное служеніе человѣчеству.

Но Германія, которая уже на дѣлѣ захватила чужія земли, можетъ намъ отвѣтить съ насмѣшкой:

— Вы великодушно отказываетесь отъ того, что еще не ваше. А вотъ Польша уже въ нашихъ рукахъ. Мы уже послѣ революціи прорвали вашъ фронтъ и двигаемся дальше, ведя свой народъ въ побѣдѣ. Мы возьмемъ у васъ прибалтійскія провинціи, юго-западныя губерніи отдадимъ Австріи, а Закавказье — Турціи. Мы васъ покоримъ, свяжемъ, ослабимъ надолго, и тогда посмотримъ, что скажетъ нашъ народъ, среди котораго есть такіе же смѣшные миролюбцы, какъ вы. Они замолчатъ теперь, какъ замолчали въ 1870 году послѣ нашей побѣды надъ Франціей.

А союзники? Они могутъ отвѣтить съ горечью:

— Кто это требуетъ отъ насъ отказовъ въ случаѣ побѣды? Это вы, русскіе республиканцы вчерашняго дня. Это голосъ вашей революціи. Но это только слова! А гдѣ же дѣла? Что она сдѣлала для того, чтобы отнять у Германіи ея захваты, чтобы вырвать изъ ея рукъ Бельгію и Сербію? Защитила ли она твердой рукой хотя бы свое отечество? Что же послѣ этого стоитъ ея призывъ? Митинговое постановленіе? Статья въ газетахъ? Но на такія словесныя упражненія отвѣчаютъ тоже статьями. Ихъ не обсуждаютъ серьезно въ совѣтахъ народовъ, гдѣ вѣсъ рѣчамъ придается силой отечествъ. Кто бездѣятеленъ въ войнѣ, тотъ ничего не значитъ и въ мирѣ. Мы заключимъ его безъ вашихъ совѣтовъ.

И это будетъ горькая правда. Въ тѣ дни, когда я дописывалъ эти очерки, худшія опасенія начинаютъ сбываться. Горятъ надъ степью тревожные огни, гудитъ набатный звонъ. «Граждане, — пишетъ въ своемъ воззваніи временное правительство. — Насталъ грозный часъ. Войска германскаго императора прорвали фронтъ русской революціонной арміи, и это страшное дѣло было для нихъ облегчено легкомысліемъ однихъ и предательствомъ другихъ».

Жребій войны перемѣнчивъ. Неудача — не всегда вина ее потерпѣвшаго, и военное счастье можетъ еще повернуться. Но когда намъ указываютъ, что наше пораженіе — не случайное несчастіе, а вина и преступленіе, то перемѣна невозможна, пока мы не найдемъ источника этой вины и этого преступленія.

Я знаю, — есть много людей, склонныхъ къ наиболѣе простымъ и легкимъ объясненіямъ: вредятъ защитѣ выродки и предатели, подкупленные нѣмецкимъ золотомъ! Ахъ, если бы это было такъ! Тогда и борьба была бы проще: ее можно бы цѣликомъ возложить на контръразвѣдку, выслѣживающую нѣмецкихъ агентовъ и шпіоновъ. Стоитъ прослѣдить русло, по которому течетъ нѣмецкое золото, — и наша слабость прекратится. Но это не такъ. Бѣда не въ однѣхъ нѣмецкихъ деньгахъ. Наша вина въ томъ, что мы не поняли своего положенія въ этой трагической войнѣ и прежде всего не поняли урока собственной революціи.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, пала царская власть? Почему еще въ 1905 году нельзя было заикнуться о республикѣ, а возстаніе московскихъ рабочихъ и части интеллигенціи армія съ такой излишней свирѣпостью залила кровью? И почему 27-го февраля 1917 года тѣ-

же полки съ красными знаменами шли къ Таврическому дворцу, привѣтствуя революцію?

Значитъ ли это, что съ тѣхъ поръ Россія успѣла превратиться изъ монархической въ республиканскую, что монархію свергла именно республика?

Не обольщайтесь, и не льстите народнымъ массамъ! У насъ нѣтъ еще республиканцевъ. Въ десять лѣтъ не создаются въ массахъ ни республиканскія убѣжденія, ни республиканскіе нравы. Нашъ народъ въ августѣ 1917 года знаетъ о республикѣ такъ же мало, какъ и въ 1905-мъ. У насъ республика не потому, что мы стали республиканцами, а лишь потому, что сразу перестали быть монархистами и возненавидѣли монархію.

Николай II палъ потому, что въ минуту страшной внѣшней опасности не сумѣлъ объединить народъ для борьбы съ врагомъ. Этимъ онъ поднялъ противъ себя старое народное чувство, широкое, какъ море, сильное какъ буря. То самое чувство, которое воспѣвали поэты-счастливцы Жуковскій и Лермонтовъ на волѣ и несчастливецъ Якубовичъ на каторгѣ. То чувство, которое заставляетъ стараго уральскаго казака трепетать при видѣ ночнаго огня надъ степью и безсознательно искать копье и коня, чтобы скакать съ сборному пункту назащиту..

«Нѣмецъ у порога!» — вотъ кличъ, объединившій тогда русскихъ людей всѣхъ классовъ и состояній, толкнувшій армію въ объятія революціи. Армія присягала царю, но она присягала и отечеству. Царь не захотѣлъ объединиться съ отечествомъ для защиты. Пришлось выбирать: царь или отечество? Подъ громомъ нѣмецкихъ пушекъ армія не колебалась и вся, какъ одинъ человѣкъ, отъ генерала до новобранца перешла на сторону отечества. Вотъ причина поразительнаго единодушія, проявленнаго въ первые дни революціи, и ея всѣхъ поразившаго успѣха...

Что же дальше? Царь палъ, Россія стала республикой, а нѣмецкія пушки гремятъ по-прежнему, опасность такъ же велика, какъ при царѣ. И тотъ же роковой вопросъ стоитъ передъ юной республикой; сумѣетъ ли она объединить народъ, вдохнуть въ него силу и мужество для защиты?

Вначалѣ казалось, что это такъ и будетъ. Въ своемъ призывѣ къ миру безъ захватовъ революціонная демократія говорила о защитѣ очень энергично. Но скоро единодушіе стало исчезать. «Къ призыву, казалось, несомнѣнному и непрекаемому, значительные слои революціонной демократіи относятся — одни стыдливо и несмѣло, другіе — прямо враждебно».

Слова, взятыя въ кавычки я заимствую изъ «Рабочей Газеты», органа лѣвой демократіи, и они ставятъ ясно и рѣзко основную причину того, что Россія, а съ нею революція и свобода стоятъ на краю гибели...

Война — дѣло тяжелое, страшное. Въ каждой душѣ, — а въ русской, быть можетъ, особенно, — она вызываетъ естественный протестъ. Но, разъ сознавъ трагическую неизбѣжность войны, мы, русскіе люди умѣли и умирать, и побѣждать.

Неужели не умѣемъ теперь, когда наше отечество стало свободно и требуетъ тяжелаго подвига защиты?

Но для подвига нужны единая мысль и единое чувство. «На міру и смерть красна», — говорить замѣчательно мѣткая русская пословица. На войнѣ нужно чувствовать, что твой міръ съ тобою, что ты замѣняешь павшаго, а за тобой идутъ на смѣну другіе въ неудержимомъ яркомъ порывѣ. Тогда изъ рядовъ обыкновенныхъ людей выдвигаются герои, Арнольды Винкельриды, готовые собственной грудью прорвать вражескій строй, а за ними идутъ товарищи, закрѣпляющіе ихъ подвигъ.

Но это бываетъ лишь тогда, когда весь народъ охваченъ порывомъ, цѣльнымъ, беззавѣтнымъ, единымъ. А наша страна больна именно сомнѣніемъ и нерѣшительностью въ самую роковую минуту, когда рѣшается ея судьба. Къ какому это призыву «одна часть революціонной интеллигенціи относится стыдливо и несмѣло, другая — прямо враждебно»?

Къ защитѣ отечества отъ грознаго врага.

А революціонная интеллигенція теперь, это-мозгъ и сердце русскаго народа. Долго отдѣленная отъ народа глухой стѣной насилія, теперь превратностями исторической судьбы, она поставлена во главѣ возставшихъ и взволнованныхъ массъ, со всѣми заслугами ея уединенной борьбы и страданій, со всѣми недостатками уединенной мысли. И вотъ, въ числѣ предразсудковъ, которые она невольно, роковымъ образомъ всегда въ движеніе революціонной Россіи, былъ и роковой предразсудокъ противъ отечества. Значительная часть ея не поняла трагическаго смысла войны, объяснила ее демагогически поверхностно и плоско, и въ мучительномъ и важномъ вопросѣ о значеніи отечества на пути къ будущему человѣческому единству она пошла не за Бебелями и Жоресами, а за Эрве, который, надо сказать, самъ отрекся отъ своей проповѣди и превратился въ пламеннаго и прямолинейнаго защитника родины.

Отечества должны когда-нибудь раствориться и исчезнуть. Будущее принадлежитъ только человѣчеству. Такъ

стоитъ ли, — думаютъ теперь многіе, — защищать то, надъ чѣмъ уже произнесенъ приговоръ исторіи? Такова — основная мысль, роковая ошибка, закравшаяся въ мозгъ революціи, извратившая ея мысль и ея чувство, а отъ нея проникшая, какъ зараза, въ рабочую массу и въ армію. Нѣтъ надобности преувеличивать значеніе нѣмецкихъ денегъ, чтобы понять, почему Россія идетъ теперь, точно пьяная, по трудной тропѣ къ миру, колеблясь и шатаясь. Мы слишкомъ загляделись на далекія звѣзды и не видимъ пропасти, зіяющей у насъ подъ ногами. Мы забываемъ, что единое человѣчество еще нужно создать, что оно не создается отрицаніемъ отечествъ и что наше отечество какъ-разъ въ эту роковую минуту взяло на себя его дѣло.

И вотъ почему громкіе призывы къ самоотверженію и подвигу на защиту отечества у насъ такъ часто заглушаются призывами къ внутренней войнѣ, къ розни, къ отдѣльнымъ классовымъ эгоизмамъ, не объединеннымъ общимъ порывомъ. И вотъ почему даже въ арміи, — гдѣ все — въ единствѣ и стройности плана, — посѣяно гибельное колебаніе и раздоръ. Въ то время какъ одни борются, другіе спорятъ и препираются; дѣло доходитъ до того, что полкамъ, шедшимъ въ наступленіе, ихъ же соотечественники и товарищи шлютъ пожеланіе «разбить себѣ голову», какъ злѣйшимъ врагамъ.

Вотъ въ чемъ роковая причина нашихъ неудачъ и, можетъ-быть, близкой гибели. «Простое отрицаніе отечества ничего не разрѣшаетъ», — говорилъ Бебель. Великая ошибка думать, что, отворачиваясь отъ отечества, мы тѣмъ самымъ приближаемся и уже входимъ въ храмъ единаго человѣчества. Нѣтъ, этимъ путемъ достигается какъ-разъ обратное. Отечество—все еще наиболѣе широкое и наиболѣе прочное объединеніе людей. Когда свободныя отечества заключатъ мирный союзъ на новыхъ началахъ, когда они образуютъ, что нибудь въ родѣ европейскихъ штатовъ,—это будетъ великій шагъ на пути къ объединенію высшему, чѣмъ отечества. Но простое отрицаніе даетъ результаты прямо противоположные. Оно ведетъ не впередъ, а назадъ, не къ отечеству отечествъ, не къ будущему единому человѣчеству, а къ первобытной войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ въ самомъ отечествѣ, къ распаду, къ полному безвластію. На этомъ пути насъ можетъ встрѣтить только страшное лицо стихійной анархіи . . .

Россія, конечно не погибнетъ. Нѣтъ уже такой силы, которая могла бы навсегда поработить Россію. Но она можетъ потерпѣть пораженіе, униженіе, позоръ. Ея

политическое и экономическое развитіе можетъ быть задержано надолго, и цѣлымъ поколѣніямъ придется расплачиваться своимъ богатствомъ, счастіемъ и свободой.

Тогда народъ очнется отъ угара и не проститъ своимъ руководителямъ роковой ошибки, — забвенія отечества. Вспомнимъ, пока еще есть время, что отечество шире всѣхъ формъ государства. Оно шире монархіи и шире республики. Оно ставитъ свои требованія всѣмъ формамъ власти, и горе тѣмъ, которыя оказываются неспособны выполнитъ ихъ въ роковую минуту, какова теперешняя. Монархія, существовавшая 300 лѣтъ, погибла въ нѣсколько дней. Но и республикѣ, существующей нѣсколько мѣсяцевъ, отечество не проститъ забвенія главнѣйшей изъ своихъ задачъ, — защиты отъ внѣшняго врага. «Если вы попробуете провести вашу мысль на практикѣ, — говорилъ нѣмецъ Бебель французу Эрве, — то вашъ народъ затопчетъ васъ ногами».

И слушатели, тоже соціалисты разныхъ народовъ, отвѣчали криками: «Вѣрно, вѣрно!».

Заключеніе.

Я не знаю, удалось ли мнѣ выполнить хоть отчасти задачу, которую я взялъ на себя,—поставить запутанные вопросы нашего времени ясно и понятно для вожаковъ и для народной массы. Я знаю только, что вопросъ сфинкса поставленъ самой жизнью и требуетъ немедленнаго отвѣта. Въ недѣлю мы теперь переживаемъ годы, въ мѣсяцы — десятилѣтія, и уже близится время страшнаго разсчета и за наши страданія, и за подвиги, и за ошибки.

Ближайшее будущее рѣшитъ также вопросъ о томъ, что такое нашъ мирный призывъ: подвигъ великаго почина или стыдъ заносчивыхъ словъ, не поддержанныхъ дѣломъ.

Въ страшные годы, когда Европа потрясается до основаній великой войной, Россія сказала нужное слово. Но если мы не сумѣемъ сдѣлать его словомъ единаго и сильнаго отечества, то мы не укрѣпимъ стремленій къ миру и единенію въ человѣчествѣ, а ослабимъ его, не ослабимъ международной войны всѣхъ противъ всѣхъ, а усилимъ защитниковъ и приверженцевъ національныхъ себялюбій и захватовъ. На долгое время въ такомъ случаѣ они будутъ указывать миролюбцамъ сво-

ихъ народовъ: «Вы видѣли. Это привело только къ безславному пораженію Россіи!».

И вотъ почему, пока еще есть время, пока не все еще потеряно, мнѣ хотѣлось бы крикнуть такъ громко, чтобы меня услышали всѣ, — пахарь и интеллигентъ, фабрикантъ и рабочій:

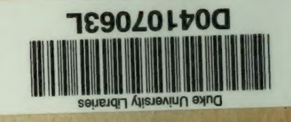
— Отечество, отечество! Въ войнѣ и мирѣ, въ трагической свалкѣ народовъ и на пути къ ихъ единенію, — помните объ отечествѣ!

Вл. Короленко.

Брошюры, изданныя Обществомъ:

1. *В. Короленко.* — « Паденіе царской власти ».
2. *В. Водовозовъ.* — « Учредительное Собраніе ».
3. *И. Игнатовъ.* — « Законодательныя Учрежденія Запада ».
4. *Брешко-Брешковская* — « Объ обязанностяхъ гражданъ ».
5. *Петрункевичъ.* — « Декларація правъ человѣка и гражданина ».
6. *Д-ръ Б. Членовъ.* — « Швейцарія страна свободы и порядка.

Типографія Акц. Общ. Бентели, Бюмплицъ-Бернъ (Швейцарія).